

ТАТАРИНЦЕВ Б. И.

К СОГЛАСОВАНИЮ НОСТРАТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ С РЕЗУЛЬТАТАМИ ИЗУЧЕНИЯ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

В ведущейся на страницах «Вопросов языкознания», а отчасти и других изданий дискуссии по проблемам ностратического языкознания выступают как сторонники, так и противники теории ностратики. Эта теория зависима, естественно, от результатов сравнительно-исторического изучения конкретных языковых семей, включаемых частью исследователей в более общую, ностратическую общность. Противники названной теории считают, что ностратика несовместима с представлениями о первоначальном звуковом облике слов, принадлежащих к определенным семьям, в то время как ее сторонники придерживаются противоположного мнения.

В связи с этим представляет, в частности, интерес полемика между А. М. Щербаком, автором антиностратической по своей направленности статьи [1], и Е. А. Хелимским, ответившим двумя публикациями [2, 3] в защиту ностратики, а также алтаистики. Полемика велась в значительной мере по вопросу, который считается наиболее спорным и дискуссионным в тюркском и алтайском языкознании [4] и который может быть сформулирован следующим образом: что первично в тюркских соответствиях типа $r \sim z$, $l \sim \check{s}$, плавные или сибиланты. Алтаисты и приверженцы ностратической теории являющиеся сторонниками первичности плавных согласных, а противники этих теорий (хотя и не все) стоят за первичность сибилантов¹.

Однако природа подобных соответствий или параллелей еще далеко не ясна, да и едва ли она одинакова для всех них [7, с. 376—377]. Это могут быть явно фонетические явления: соответствия бугарских плавных r , l сибилантам z , $\check{s}$ в других тюркских языках, а также соответствия небугарских тюркских сибилантов плавным в словах монгольских языков, относимых к числу заимствований из тюркского языка бугарского (чувакского) типа [8, с. 52—54; 9, с. 8]. Применительно к таким случаям правомерно ставить вопрос о том, первично ли здесь r или z , и, соответственно, говорить о переходе $r > z$ или, что более вероятно и что лучше аргументировано, — о превращении $z > r$.

Однако в небугарских тюркских языках также отмечено немало случаев соответствий $r \sim z$, в меньшей степени $l \sim \check{s}$ (речь не идет о возможных бугарских или вторичных монгольских вкраплениях!), но здесь менее всего ясно, какова их природа и является ли она фонетической. В принципе допустима и вариантность морфем, поскольку в тюркских языках имеются, например, именные аффиксы $-(\alpha)r$ (восходящий к аффиксу аориста) и $-(\alpha)z$, образующий отыменные и отглагольные имена [10, с. 340; 11].

Это явно разные аффиксы, которые исследователи друг с другом, как правило, фонетически не сближали, за исключением таких случаев, когда

¹ Из последних публикаций на эту тему см. [5, 6].

налицо соответствие конечных $-z \sim -r$, хотя это может быть параллелизм аффиксов или их консонантных элементов.

В области тюркского глагола отмечены аффиксы каузатива $-(\alpha)r-$ и $-(\alpha)z-$, которые одни исследователи считают фонетическими вариантами, в то время как другие либо никак не связывают эти форманты друг с другом [12, с. 204—205], либо определенно считают их двумя различными аффиксами даже для пратюркского [13].

Ученые неоднократно отмечали также наличие некоторого количества тюркских слов, принадлежащих к именам и глаголам и различающихся по признаку $r \sim z$ (*kör* «видеть» — *köz* «глаз», *semir* «полнеть, жиреть» — *semiz* «полный, жирный»), признавая, в той или иной мере, морфологическую природу этих различий.

Наиболее активно точка зрения, согласно которой r и z , l и $\dot{s}$ являются самостоятельными морфемами, проводится А. Г. Бишевым, в работах которого отмечались «заслуживающие внимания моменты», но вместе с тем его взгляды признавались недостаточно убедительными [14].

Причину подобных сомнений можно видеть в неясности этимологии, а следовательно, и структуры слов с соответствиями $r \sim z$, $l \sim \dot{s}$, откуда происходит также возможность самого разноречивого истолкования данного явления, примером чего являются и попытки во что бы то ни стало обосновать первичность r или, соответственно, l .

1

Как полагает Е. А. Хелимский, ему удалось сформулировать «правило нейтрализации противопоставления $z : r$ в пользу r в составе большинства консонантных сочетаний в древнетюркском языке» [2, с. 40], т. е. надежно обосновать первичность r . Согласно его мнению, «наиболее типичными и архаичными являются случаи, когда z представлен в ауслаутной или интервокальной позиции, а чередующийся с ним r (иногда r/z или r/s в качестве вариантов) — в составе консонантных сочетаний» [3, с. 71]. Первоначально это был один согласный, «вibrant, отличный от обычного r например, палатальный $\dot{r}$ или ретрофлексный $r...$ для звуков такого типа вполне естественны... как сибилантизация в интервокальном положении, так и тенденция к совпадению с обычным r (или, во всяком случае, к отсутствию сибилантизации) в составе консонантных сочетаний...» [2, с. 47].

Допустим, что эти исходные положения в принципе верны. Но возникает вопрос, насколько подобная трактовка применима к конкретному материалу тюркских языков.

Е. А. Хелимский использует материал, собранный его предшественниками, который они, однако, по его мнению, не систематизировали и из которого им выделена «обширная и однородная (разрядка наша. — Т. Б.) группа случаев, в которых z представлен в ауслаутной и интервокальной позициях..., а r — в тех же основах только (разрядка автора. — Т. Б.) в составе консонантного сочетания» [2, с. 41].

Уже сам автор отмечает в используемых им материалах (в частности, в тех, что содержатся в публикациях Т. Текина) факты «неточной или ошибочной этимологизации» [2, с. 49]. Другие исследователи также приводят многочисленные примеры сомнительных или просто случайных «зетацирующе-ротацирующих параллелей» в этих работах [9, с. 5—6]; отмечается их тенденциозность: доказывая первичность r (или l), Текин приводит и «искусственно подобранные примеры» [8, с. 54].

Так или иначе, материал, на который опирается Е. А. Хелимский, отнюдь не бесспорен, и, скажем сразу, ему явно не удалось отобрать действительно однородные и не вызывающие сомнения языковые факты для обоснования своих воззрений, а его априорная уверенность в том, что «перед нами не результат дублетного словообразования и не спорадическое вкрапление болгарских языковых особенностей... а явление, которое имеет... чисто фонетическую природу» [2, с. 41], лишено достаточных оснований. Этимология сопоставляемых слов, содержащих согласные *г* и *з*, и реальное соотношение этих слов друг с другом в целом неизвестны, их структура в лучшем случае восстанавливается предположительно. Можно быть относительно уверенным только в том, что перед нами в основном тюркские по происхождению слова (хотя и не во всех случаях), но гарантировать, что среди них нет болгарских вкраплений, нельзя. Тем более, что, вопреки мнению Е. А. Хелимского [2, с. 42], таковые отмечаются не только в отдельных тюркских языках Поволжья и Северного Кавказа (см. [15, 16]).

Вывод о первичности *г* основывается на 27 сопоставлениях, 24 из которых извлечены автором из источников, о которых уже в определенной мере говорилось выше, а три привлечены самим Е. А. Хелимским. Эти материалы разделены им на две группы, соответственно, под номерами (1)—(12), которые считаются, по-видимому, наиболее достоверными, и (13)—(27), отобранные из числа «многих десятков случаев», но их «показательность... отчасти снижается или из-за отсутствия архаических тюркских данных, или из-за принципиальной допустимости иных... этимологических решений» [2, с. 43], т. е. эти данные в той или иной мере ненадежны. Анализ, однако, показывает, что по степени надежности и достоверности эти две группы не имеют заметных отличий друг от друга.

Независимо от принадлежности материалов к той или иной группе, мы далеко не всегда можем быть уверены в том, что имеем дело действительно однородными, а не гетерогенными и лишь сходно звучащими и семантически близкими словами.

1. Это можно сказать о сопоставлении (11) [2, с. 42]: *tiz-* «ставить в ряд, нанизывать» ~ *tirkîş* (в составе древнетюркского парного слова *arqîş tirkîş* «караван», причем второй компонент читается и как *terkîş*), туркм. *tirkîş* «вереница, цепь, ряд». *Tirkîş* ~ *terkîş* может быть сближено с др.-тюрк. *terkâş-* «следовать друг за другом, выстраиваться в цепочку; собираться, объединяться» и *terkâş* «давка; место слияния рукавов (~притоков) реки» [17, с. 554] (ср. *tirke-* «прицеплять, присоединять друг к другу» [9, с. 6]), что, вероятно, связано с общетюркским глаголом *der-* (*ter-*) ~ *tir-* «собирать, расставлять», имеющим и именное соответствие *ter* [18, с. 204—205]. Структурно глагол *terkâş-* может быть представлен как производное от *ter-* или *ter:* *-kâ-* — аффикс интенсива или, соответственно, глаголообразующий [ср. тув. *dirge-* «собирать, объединять в большом количестве» < **tirke-*], *-ş-* — аффикс совместно-взаимного залога. Имена *terkîş* (*tirkîş*), *terkaş* могут быть возведены либо непосредственно к глаголу типа *terkâş-* (**terkîş-*) (проявление конверсии), либо представлять собой производные от глагола **ter-ka-* образования на *-ş*.

Что же касается глагольных основ *tiz-* «нанизывать, ставить в ряд» и *ter-* (*tir-*) «собирать», то они хотя и сходны, но едва ли однородны.

2. Достаточно коварен случай (9) [2, с. 42] с сопоставлением *süz-* «очищать, процеживать», *süzük* «чистый, прозрачный» ~ др.-тюрк. *sürmä* «вино» и, наряду с ним, др.-тюрк. *süzmä* «вид творога», чاغ. *süzme* «прозрачное чистое вино». Слово *süzmä* «прозрачное чистое вино», бесспорно,

производно от *süz-* с указанным значением, но означает ли это, что *süz-* < **sür-* (с подобной же семантикой) и что *sürmä* гомогенно с *süzmä*?

Нам думается, что неслучайно в научных комментариях к одному из памятников (легенде об Огузе, список XV в.), в тексте которого встречается слово *sürmä* «вино», а также «пшеничная водка», соответствия последнего приводятся в одном ряду с глаголом *sürmäk* (*sür-*) «гнать водку» [19], скорее всего, идентичным с общетюрк. *sür-* «гнать(ся); тянуть, тащить», который не имеет генетической связи с вышеприведенным *süz-*.

Далее, по-видимому, неслучайно *sürmä*, как это отмечено и Е. А. Хелимским, не рассматривается в словаре Дж. Клосона: оно, вероятно, все-таки относительно позднего происхождения. Так, в «Древнетюркском словаре» слово приводится по указанному источнику XV в. [17, с. XXVIII, 518]. В труде Клосона дается другое, очень сходное с *sürmä* слово *sorma* «вино, пиво», которое, возможно, является более древним и которое считается производным от глагольной основы *sor-* (*so:r-*) «сосать, всасывать» [20, с. 852].

Не совсем ясно, как с *sorma* связано *sürmä*, но производящие основы слов *sürmä* и *süzmä* явно разного происхождения.

3. Вызывает сомнение сближение *iz* «след» и *irtä-* «искать», *irdä-* «искать, стремиться» наряду с *izdä-* «идти по следу» и т. п. [2, с. 41]. Здесь палицо явное несоответствие тем требованиям, которые Е. А. Хелимский предъявляет к фактическому материалу (наличие *z* в интервокальном положении и ауслауте при *r* в консонантном комплексе), о чем свидетельствуют, в частности, азерб. диал. *iriz* «след» [21, с. 646], др.-тюрк. *er-* ~ *ir-* «следовать, преследовать», казах. *er-* «следовать за кем-либо; следовать примеру».

Структура слова *iriz* допускает двойное истолкование. Это могло быть, в частности, производное от глагола *er-* ~ *ir-*. Наличие глагольной основы *irtä-* ~ *irdä-* свидетельствует также о существовании именной основы **er(ir)* «след(ование)», исходя из чего азерб. *iriz* могло бы быть сочтено результатом словосложения: *ir* + *iz*. Что касается его второго компонента — имени *iz* (или *iz̄*) «след», то у него нет варианта с широким переднерядным гласным. Применительно к нему отмечается либо первичность ненёбной формы *iz̄* или *iz̄̄*, либо «древнейший параллелизм» *iz* (~ *iz̄̄*)/*ыз* (~ *ыз̄̄*) [21, с. 646]. Гомогенность сопоставляемых слов, таким образом, весьма проблематична.

4. Несмотря на распространенность представления об общем происхождении слов типа *qī:z* «девушка, дочь», *qīrqīn* «невольница, наложница», *qīrnaq* «невольница, молодая рабыня, наложница» [2, с. 42], оно далеко не аксиоматично. Согласно Е. А. Хелимскому, «предложенное Т. Текином объяснение *qīrqīn* и *qīrnaq* как нормальных дериватов от *qī:z*... устраняет существовавшие этимологические неясности» [2, с. 42]. но это не соответствует действительности. Членение Т. Текином слова *qīrqīn* (с выделением аффикса коллективности-собирательности) не выглядит убедительным: само существование подобных формантов вызывает скептическое отношение [22], и, во всяком случае, более реалистично отглагольный, чем отыменный формант *-qīn* [10, с. 325 и сл.]. Произвольным выглядит и вычленение Т. Текином уменьшительного афф. *-naq* в *qīrnaq* [23, с. 62]. Таким образом, никакие неясности (в частности, структурно-семантического плана) здесь не устранены. *Qī:z*, с одной стороны, и *qīrnaq* с *qīrqīn* — с другой, вполне могут быть гетерогенны, и не зря Дж. Клосон, как отмечает Е. А. Хелимский, проявлял определенные колебания в этом вопросе.

Qırnaq «невольница, наложница», возможно, следует связать с турецк. *kirik* «любовник, возлюбленный», *kirim kirim* «очень, беспрестанно (кокетничать)», *kiril-* «кокетничать», *kirin-* и *kirit-* «ломаться, жеманничать, кокетничать», *kirış-* «кокетничать, заигрывать (друг с другом)». Вероятно, сюда же можно отнести и др.-тюрк. *qırī* «увеселение».

Таким образом, *qırnaq* (ср. также турецк. *kırnak* устар. «рабыня, невольница») могло быть производным от *qırin-* «кокетничать» (см. турецк. *kirin-* тж.). Родственным *qırnaq* могло быть и *qırqın-*: в приведенных выше словах возможно выделение исходной глагольной основы **qır-* «быть игривым» (?), к которой может быть возведено *qırqın*.

Сложнее обстоит дело со словом *qız* (*qı:z*) «девушка», относительно которого существует несколько этимологических версий [24, с. 234], ни одна из которых не является общепризнанной. На наш взгляд, *qız* может быть отглагольным именем той же структуры, что и тюрк. *iz* «мастер» (< *u-z*), где *u-* — глагольная основа со значением «мочь, уметь». Глагольная основа **qī-* могла означать что-то вроде «сужать(ся), сжимать(ся), стеснять(ся)» и т. д.² Не исключено, что родственным *qız* «девушка» могло быть др.-тюрк. *qız* «скупой». Указанную основу мы видим в сарыг-уйг. *qīp* (< *qī-p*) «крепкий; крепко» (< ? «крепко сжатый»); ср. также якут. *qīpčij-* «сжимать(ся); сжимать ноги»; *qīmīs* «скупая женщина», *qīmīs-* «беречься, бояться», *qībīsīn-* «стесняться, конфузиться», *qībīj-* «сжимать ноги».

Логично и сближение *qız* «девушка» с тюрк. *qīsır* «яловая; еще не приносящая приплода» [24, с. 234—235], которое, в свою очередь, согласно обоснованному предположению Дж. Клосо́на, является производным от *qīs-* [20, с. 668], означающего, в частности, «сжимать, стискивать, сдерживать».

По своему семантическому развитию с этими именами сходно распространённое в тюркских языках слово *tup* «яловая; еще не рожавшая; первородящая (о женщине); первенец» (ср. также якут. *tuɣij* «первородящая; чистый, невинный»), которое можно связать с глаголом *tu-* «закрывать, преграждать», производным от которого было и имя типа *tuɣ* «яловая» (казах. *tuw* «яловая; нетронутый, девственный» [26, с. 287]). Последнее едва ли можно впрямую связать с *tuɣ-* ~ *toɣ-* «родить(ся)» [24, с. 237; 31, стлб. 1421, 1430].

Во второй группе слов (13)—(27) также встречаются сопоставления гетерогенных слов. К ним относятся *āzā* «прежде» ~ **erki* «старый», что частично отражено и в соответствующем разделе (15), *tāqiz* «море» ~ *tāqri* «небо, бог» (23). Последнее, несмотря на его внешнюю эффективность, малоубедительно по существу, ибо то, что нам известно об этимологии *tāqri* и явно родственных с ним слов [27], с одной стороны, и *tāqiz* ~ *dāqiz* — с другой [18, с. 194—195], дает мало оснований для того, чтобы считать их едиными по происхождению. «Фонетическим обоснованием» для их сближения никак не может служить «формулируемое в данной статье правило чередования *г* ~ *ж*» [2, с. 44], поскольку, напротив, как раз примеры должны служить для обоснования соответствующего правила.

Автор указывает на «важную семантическую аналогию», которую «дают монгольские языки, ср. п.-монг. *dalai* „море“ и „великий, вселенский, верховный“» [2, с. 44], а в другой своей статье говорит об этой «семантической параллели» как о такой, на которую он опирается в первую очередь

² Ср. также соображения А. Г. Бишшева о наличии в *qız* подобных же элементов, но без указания на категориальную принадлежность и семантику компонента *qī* [25].

[3, с. 71]. Но подобные параллели и аналогии еще ничего не говорят об общем происхождении слов, поскольку вполне естественно, что и небо, и море вполне могут ассоциироваться с чем-то значительным. Кроме того, монг. *dalai* «великий...» (например, в составе титула типа *dalai lama*), вероятно, является отражением иноязычного (тибетского, в частности) влияния [28].

Думается также, что и в той, и в другой группе сопоставлений есть не очень ясные случаи, единое происхождение которых все же нуждается в дополнительном обосновании. Это сопоставления *tüz-* «бежать, убежать» ~ *türk* «быстро, скоро» (10), *qadız* «кора дерева» ~ *qadırçaq* «мозоль, волдырь» (17), *oğuz* ~ *oğraq* — названия племен (20), *tiz* «колени» ~ *tirsäk* «локоть» (24) и др.

Часть из них, впрочем, отмечалась уже в качестве сомнительных или случайных параллелей в работах Т. Текина, откуда они и перешли в статью Е. А. Хелимского, в том числе и такая, казалось бы, очевидная, как *toquz* «девять» ~ ст.-осм., турецк. диал. *tokurçın, dokurcun* «игра типа шахмат с девятью шашками» (26). А. М. Щербак сравнивает *dokurcun* «игра с девятью камешками» с турецк. же *dokuztaş* тж. (букв. «девять камней»), указывая, что собственное значение *dokurcun* — «скирда, копна, куча» [9, с. 6]³. В первой группе имеются и примеры соответствий слов, встречающихся только в древнетюркских памятниках арабского письма, где, как вскользь отмечал сам Е. А. Хелимский, соответствующие графемы («ра» и «зейн») максимально сходны [2, с. 41]; это создает возможность описок и, далее, неверного прочтения слов, примером чего вполне могло быть др.-тюрк. *tuvuz* «крупный» ~ *tuvra-* «увеличиваться в размерах» (12), современных соответствий к которым не найдено.

Е. А. Хелимский отвергает в подобных случаях предлагаемые Дж. Клосом, а также М. Рясняном конъектуры, что не оправдано.

В примерах, на которые ссылается Е. А. Хелимский, помимо гетерогенных слов и вероятных древних ошибочных написаний (своего рода «мнимых слов»), есть случаи (и их немало), когда в *z* и *g* можно видеть морфемы, о которых уже упоминалось, или их элементы.

1. В случае (1) *boğuz...* «горло, глотка» ~ *boğurdaq* «горло, глотка», др.-тюрк. *boğrul* «(животное) с белой шеей» (последнее в [17, с. 109] дается только в сочетании *boğrul qoj* и с переводом «овца с белым ошейником»). Вопреки сомнениям Е. А. Хелимского, *boğuz* вполне может быть связано с *boğ-*, означающим не только «душить», но и «сдавливать, сжимать» и, по-видимому, «сильно сужать» [29, с. 72]. Формы же типа *boğurdaq, boğrul* восходят, вероятно, как на то и указывал Дж. Клосон, к каузативу от *boğ-* (**boğır-* или **boğur-*), о котором неверно говорить как о «незасвидетельствованном каузативе»: о его реальности свидетельствует, например, сагайское (хакасское) *poğır-* «душить» [30, стлб. 1266].

2. В отношении пары *semiz* «жирный» ~ *semri-* «жиреть, полнеть» (8) тюркские языки можно разделить на две части: при идентичности именного коррелята (*sämiz* ~ *semis*) глагольный в одних тюркских языках имеет форму *semir-* (о чем уже упоминалось ранее), а в других — *semri-* с вариантами огласовки типа туркм. *semre-*. По мнению Т. Текина, исходной является глагольная форма **sämri-*, а *sämir-* представляет собой результат метатезы; к **sämri-* возводится и туркм. *semre-*. По своей структуре *sämri-* относится к отыменным глаголам, образованным с помощью афф.

³ В. В. Радлов в качестве первого значения турецкого слова *dokurcun* называл «сноп» [31, стлб. 1703].

-i-, поскольку считается, что в тюркских языках отсутствует глаголообразующий афф. -ri-. Производящая именная основа, являвшаяся, по Текину, прототипом прилагательного *sämiz*, реконструируется в виде **sämir/*sämür* [23, с. 54, 57].

Эти утверждения не бесспорны. В частности, не следует столь категорично отрицать наличие афф. -ri-. В тюркских языках имеется достаточно распространенный глаголообразующий афф. -ra- (-rā-), у которого отдельными исследователями отмечен также и вариант с узким гласным -rī- (а значит, и -ri-) [32, с. 323; 33]. По-видимому, с той же ситуацией мы имеем дело и в данном конкретном случае, а потому едва ли туркм. *semre-* бесспорно возводимо к *semri-*. И, наконец, в случае *sämri-/sämir-* мы не обязательно имеем дело с метатезой *ri > ir*: в тюркских языках метатезам обычно подвергаются комплексы из двух (и более) согласных, в том числе и включающие *r*, а не комплексы типа «согласный + гласный» [7, с. 368].

Думается, что вполне реально говорить об именной или образной основе **säm* со значением утолщения, каковая, возможно, также прослеживается в гагауз. *semer* «выюк, выючное седло», турецк. *semer* «выючное седло; геол. антиклиналь (= складка горных пород, обращенная выпуклостью вверх); арга задница». якут. *emehe* «задница» (при якут. *emis* «жирный»). К этой основе могут быть возведены глаголы *sämri-* и *sämir-* < **säm-(α)r-*, а также (через посредство утраченного глагола **säm-i-?*) — прилагательное *sämiz*.

3. По-видимому, одноструктурны с только что рассмотренным и некоторые другие сопоставления, приводимые Е. А. Хелимским, в частности, *jäviz* «плохой, слабый» ~ *jävri-* «ослабеть, обессилить» (ср. др.-тюрк. *javla-* «доставлять неприятности, причинять вред» < *jav* ~ *jaw* «враг» [10, с. 219, 221], кирг. *žapir-* «валить; склонять, пригибать к земле», *tïyiz* «крепкий, плотный» ~ *tïyra-* «становиться сильным, крепким» (25) (при наличии параллельной др.-тюрк. формы *tïyda-* тж.⁴), а возможно, и др.-тюрк. *tuvuz* ~ *tuvra-* (если здесь нет опески, как отмечалось выше).

Глагольная основа на -ra- прослеживается в *kökrek* «грудь», обычно и вполне законно сопоставляемому многими исследователями, в том числе и Е. А. Хелимским, с *köküz* (5)⁵.

4. В структурном плане достаточно элементарным представляется случай *julduz* «звезда» ~ др.-тюрк. *juldrug*, *joldrug*, *jaldrug* «блестящий, сверкающий» (16). Эти слова так или иначе восходят к образным основам. Структуру *julduz* «звезда» Э. В. Севортян представляет в виде *jult-u-z*, где, в частности, *jult* «звукотрисует блеск, сверкание, мерцание звезд», -u- — очевидно, глаголообразующий аффикс, а -z — аффикс именного словообразования [10, с. 179—180]. Прилагательное *juldrug* и подобные ему сопоставимы, например, с кирг. *žaltir* ~ *žiltir* «блестящий (также имеющим образный характер)». В киргизском языке есть и производные от них глаголы *žaltira-* ~ *žiltira-* «блестеть, сверкать». Нечто подобное наблюдалось и в древнетюркском, только глаголы в нем образованы с помощью глаголообразующего аффикса в узкорядном варианте (ср., впрочем, др.-тюрк. *jaldra-*, *jaltiri-*, *jiltiri-* «блестеть, сверкать»).

⁴ Эти глагольные формы указывают на производную основу **tïy*, видимо, гомогенную с глаголом *tïq-* «совать, засовывать», от которого образовано, в частности, *tïyüz* [18, с. 339], приводимое выше.

⁵ Структура этих слов частично рассматривалась в наших публикациях [29, с. 74—75; 34].

Среди примеров, которыми оперирует Хелимский, имеются и такие, которые вызывают сомнение в плане своей принадлежности к исконной тюркской лексике. Это монголизмы, в свою очередь восходящие, вероятно, к тюркским словам, где произошло изменение $z > r$, т. е. к возможным бугларизмам. В этом плане показательно сопоставление др.-тюрк. *sez* «чувствовать, замечать» ~ куман. *sergek* «бдительный», узб. *sergak*, татар. *sirgäk*, чаг. *sezgek* «умный, понятливый» (21). Хотя автору «представляется необязательной трактовка *sergek* как монголизма» (принятая другими исследователями) [2, с. 44], однако практически ничто не препятствует именно такой трактовке.

Сложнее случай (13): др.-тюрк. *boz* «серый» ~ кирг. *borbaš* «большой серый сорокопуд», *borčun* «серая утка (дикая)», чаг. *borčün* «серая утка», турецк. диал. *bortak* «вид дикой утки» (при казах. *bozdaq tüö* «серый верблюд»). При этом Е. А. Хелимский принимает не все параллели, приводимые Т. Текином. В их число не включено турецк. диал. *boran* «дикий голубь» (хотя и неясны причины этого), но и то, что им включено в это сопоставление, не выглядит достаточно убедительным. Так, в основе турецк. диал. *bortak*, возможно, не обозначение серого цвета, а звукоподражание. В турецком, судя по словарю В. В. Радлова, отмечено также *bordayan* «клуша, наседка» (*die Gluckhenne*) [30, стлб. 1666]; ср., например, кирг. *bort* — звукоподражание отрывистому треску, казах. *bort bort* «звук дыхания скоро бежащих лошадей» (Радлов), *bortul* — треск и т. п. А казах. *bozdaq [tüö]* не связано ли с казахским же *bozda* «кричать (о верблюде)»? В кирг. *borbaš*, похоже, четко выделяется компонент *-baš < baš* «голова», а *borbaš* восходит к сочетанию, где *bor* не обязательно гомогенно с *boz* «серый»; *bor* могло обозначать не цвет, а величину: в киргизском языке фиксируется связанная основа *boro* (ср. *borodoj* «громадный, большой») и *borbaš* могло означать не «серая», а «большая голова».

Более обоснованы в рассматриваемом сопоставлении кирг. *borčun*, чаг. *borčün*, хотя последнее, по В. В. Радлову, означает не «серая утка», а «утка (самка)» и «самка оленя» [30, стлб. 1666]. Но не монголизмы ли это, связанные, например, с калм. *boržn* «самка дикой серой утки», бурят. *boržon* «утка (самка)», совр. монг. *boržin nuγas* «гусыня»?

2

Появление в материалах Е. А. Хелимского вышеназванных монголизмов представляется неслучайным, поскольку, согласно его, а также исследователей-алтаистов мнению, данные монгольских (и сходных с ними тунгусо-маньчжурских) языков являются более древними, чем тюркских, и именно среди монгольских лексических параллелей надо искать исходные формы тюркских слов. Однако в последние годы подобная точка зрения достаточно доказательно опровергается [8, 35, 36].

Не подтверждается мнение о большей древности монгольских слов по сравнению с их тюркскими параллелями и материалами публикаций Е. А. Хелимского, в частности, теми их разделами, где монгольские материалы привлечены специально. Это относится к чередованию *l ~ š*. В статье, опубликованной в «Советской тюркологии», автор ограничился предварительными замечаниями по данному вопросу, которому большее внимание уделено в другой его публикации, где, правда, в основном говорится о чередовании (монг.) *lž ~* (тюрк.) *š*. Е. А. Хелимский, в частности, пишет: «...тюрк. *ešäk*, *ešgäk*, *ešjäk* „осел“ невозможно рассматривать в отрыве от п.-монг. *elžigen* „осел“ (к фонетике ср. др.-тюрк. *goryašun* „свинец“ при

п.-монг. *qoryolžin* и под.)». По его мнению, «древнетюркский язык, до того как он стал таковым» (? — Т. Б.), мог претерпеть такие историко-фонетические изменения, как переход $*l\check{z} > \check{s}$ [3, с. 74—75].

Однако реальность подобного перехода не доказана, и приводимые примеры не свидетельствуют в пользу его. Начнем с сопоставления *ešak... ~ elžigen*. Логично, что автор возражает против имевшей определенное хождение этимологии Х. Педерсена, возводившего тюркское слово к арм. *ēš* «осел», хотя не наличие монг. *elžigen* этому препятствует, а, скорее, причины экстралингвистического плана, связанные с необходимостью объяснить факт заимствования из армянского общетюркского слова.

Есть значительная смысловая натяжка и в версии В. Банга, связывавшего последнее с тюрк. *āš* «товарищ» + уменьшительный аффикс *-aq/-yaq*, хотя и она получила некоторое распространение [21, с. 317—318].

Сам Е. А. Хелимский пишет: «Нельзя исключить, что в конечном счете монг. *elž-*, тюрк. *eš-* и разрозненные, не сводимые к общей праформе п.-е. названия осла (арм. *ēš*, лат. *asinus...*) опосредованно взаимосвязаны — например, через шумер. *anšu*» [3, с. 74, примеч. 14].

Заметим, что даже подобные гипотезы вовсе не свидетельствуют в пользу первичности *l* ($\check{z}$) по отношению к $\check{s}$ (скорее, наоборот) ⁶. Однако неслучайно имеющиеся этимологии исходят фактически из первичности тюркской формы, хотя, как мы полагаем, при этом нет особой нужды погружаться в подобные языковые глубины. Вполне достаточно данных тюркских языков, где имеется, например, довольно распространенная глагольная основа *eš-(āš)-* «идти, ехать иноходью; быстро ехать на коне; скакать: идти медленными шагами» и т. д. [21, с. 316]. Следует также учесть, что аффикс (или аффиксы) *-(a)q, -yaq* — не только уменьшительные: в тюркских языках имеются подобные же, широко распространенные форманты, образующие отглагольные имена.

Таким образом, на материале тюркских языков структура и семантика названия осла раскрываются вполне удовлетворительно, чего не скажешь о монгольской форме, считаемой исходной и возводимой к $*el\check{z}iken$, где можно наблюдать лишь попытку гипотетического членения: $*el-\check{z}i-$ + $*-ken$ [37], в котором и выделяемые компоненты, и само целое совершенно неясны и, вероятно, с неменьшим основанием могли бы выглядеть и по-другому ⁷.

Е. А. Хелимский сопоставляет в том же плане, что и *āšāk ~ elžigen*, еще тюрк. (но не др.-тюрк.!) *qoryašun* и монг. *qoryolžin* «свинец», однако и этот пример нельзя считать бесспорным свидетельством перехода $l\check{z} > \check{s}$, на котором он настаивает. Правда, монгольская форма считается алтаистами исходной для тюркских, и последние даже считаются вообще монголизмами, что верно только для части тюркских языков, в частности сибирских; ср., например, тув. *qoryulčun* [qoryulžun], но это мнение не бесспорное, в основе его убеждение, что $l\check{z}$ древнее $\check{s}$.

В тюркских языках, кроме явных монгольских заимствований, интересующее нас название свинца существует в двух основных вариантах: 1) «кыпчакском», включающем в свой состав компонент *-ya-* (*-yu-*) типа куманского (половецкого) *qoryašin*, кирг. *qoryošun ~ qoryošum*, бараб.-

⁶ Ср. также версию, сближающую тюрко-монгольское название осла с египетским *šk* «ослик» и предполагающую миграцию соответствующего термина вместе с обозначаемым им животным из древнего ближневосточного ареала в районы Центральной и Восточной Азии [38].

⁷ Ср., в частности, небезосновательное мнение, согласно которому монг. *elžigen* есть заимствование бугаро-тюркского происхождения, в котором $\check{s} > l\check{z}$ [39].

татар. *qorçaş*, башк., татар. *qurçaş* и т. п., и 2) «огузском» (без указанного компонента), в том числе турецк. *kurşun*, туркм. *qurşun*, азерб., др.-тюрк. *qoşun* (последние с элизией *r*, что достаточно распространено). В древнетюркских памятниках помимо *qoşun* отмечено также *qoruçūn* (с метатезой *γ* и его ассимилирующим влиянием на последующий пипящий) [23, с. 80].

Недавняя и, кажется, пока единственная этимология слова также исходит из монгольских данных. Согласно ей, «исходная форма... тождественна письменно-монгольской, и морфологический состав ее имеет вполне монголообразный вид, напоминая прежде всего существительные типа *гурбалжин* / *yurbałžin* „треугольник“ (*гурбан* „три“ + *лжин*)» [40]. Исходя из этого, предлагаются две этимологические версии: а) п.-монг. *qorqalžin* < **корган* / *korγan* «расплавленное сало, жир» + афф. -*лжин*, т. е. букв. «плавленный»; б) п.-монг. *qorqalžin* < **коргал* / *korγal* «помёт (овец, верблюдов)» + афф. -*лжин* / -*lžin*, т. е. букв. «катышкообразный».

Оба эти варианта в общем представляются вероятными, хотя первый предпочтительнее в содержательно-логическом плане. Вместе с тем первая версия может исходить и из данных тюркских языков: в некоторых из них встречается основа, восстанавливаемая в виде **qor-* «плавить, переплавлять; переваривать» (на наш взгляд, более логична здесь семантика типа «плавиться, переплавляться» и т. п.) и реализуемая, к примеру, в казах. *qorıt-* «плавить (о металлах); переваривать (о пище в желудке)», *qorıq* «расплавленный металл» [26, с. 248]. Структура тюркских слов может быть представлена, соответственно вышеприведенным вариантам, в виде **qor-γa-š-(α)n* и **qor-š-(α)n*, где -*γa-*(-*γi-*) — аффикс с учащательно-интенсивным значением, а -*š-* — в настоящее время показатель совместно-взаимного залога, ранее выражающий семантику учащательного, многократного действия [32, с. 238—244; 12, с. 202—203]. Таким образом, в одних тюркских языках наблюдается сосуществование двух сходных по значению формантов -*γa-*, -*š-*, а в других имеется только последний (-*š-*). Конечный (α)*n* — обычный словообразовательный аффикс тюркских языков.

Что касается форм типа *qorçaş*, то, если это не вторичные, гиперкоррективные формы, в них мы имеем либо результат конверсии глагольной основы **qorçaş-* в именную, либо производное от глагола **qorγa-*, образованное с помощью распространенного афф. -*š-*. В целом рассматриваемое производное обозначало, вероятно, нечто плавкое, интенсивно плавящееся.

Следовательно, и в этом случае первичность *lž* по сравнению с *š* не выглядит достаточно убедительной.

Чтобы закончить дискуссию о том, что здесь первично, приведем еще одно сопоставление того же плана, но более свежее и, как нам кажется, — рельефное, хотя и менее распространенное. Сравним, в частности, совр. монг. *ervëlž*, калм. *ervalžn* «детское седло с подпорками» ~ тоф., тув. (тоджинский диалект) *ērmeš*, *erimeš* «детское оленье седло» (сопоставление подсказано В. И. Рассадным).

Не должны ли мы и здесь сделать вывод о первичности монгольского и вторичности тюркского слова и о том, что последнее является монголизмом? Последнее, однако, невозможно, поскольку в явных монголизмах (ср. тув. *qorγulžin*) такой переход отсутствует. Первичность же монгольского слова здесь вообще исключена, поскольку закономерным соответствием тувинскому и тофаларскому словам вполне правомерно называется кирг. *ajırmaş* «детское вьючное седло» [41], имеющее также значение «развилка» (ср. еще кирг. *ajırmaş* с теми же значениями, те-

леут. *ajrimaš*, куманд. *ajirmaš* «вилы»). Кирг. *aiirmač* ~ *ajrimač* представляют практически исходную форму слова, структура которого достаточно прозрачна: это отглагольное существительное на *-mač* (см. об этом форманте [10, с. 358 и сл.]), производящая основа которого — *aiir-(ajri-)* «раздваиваться, разделяться» и т. п. (что вполне соответствует форме обозначаемого объекта, в том числе п седла с перекрещивающимися луками [42]); ср. также тув. *aiir* «вилы».

Изменение рядности в тув. и тоф. *ermēš*, а также, отчасти, и появление долготы вызвано воздействием *i*-умлаута, вида ассимиляции, проявляющегося в некоторых тюркских языках, в том числе в тофаларском языке и тоджинском диалекте тувинского⁸. Для этих же языков закономерен и переход конечного *č* > *š*.

Монгольские соответствия связаны с явно вторичной тюркской формой (с переднерядным вокализмом, долготой, конечным *š*) и, вероятнее всего, могут рассматриваться как заимствование из языка тувинско-тофаларского типа. При этом *š* (< *č*) определенно является первичным по отношению к монг. *l̥*, который может восходить только к *š*, но никак не к предшествующему ему *č*⁹.

Как указывают монголисты, согласный *š* отсутствовал в монгольских языках (за исключением, может быть, анлаута образных слов) [43] и в заимствованиях мог заменяться различными звуками, в том числе *l* или комплексом, в который входил этот сонант.

В заключение своей публикации о происхождении чередования *r* ~ *z* Е. А. Хелимский пишет, что «в литературе неоднократно и вполне справедливо отмечалось, что решения дилемм „ротацизма—зетацизма“ и „ламбдаизма—сигматизма“ неотделимы друг от друга, поэтому... первичность вибранта **r*₂ по отношению к тюрк. *z* предполагает первичность латерального **l*₂ по отношению к тюрк. *š*» [2, с. 49].

Мнение о неотделимости одного от другого решений названных дилемм не вызывает у нас особых возражений, однако анализ показывает, что ни о каком реальном правиле, или законе, который, как считает Е. А. Хелимский, ему удалось сформулировать и согласно которому *r* первично, а *z* вторично, всерьез говорить не приходится. Материалы, на которых основываются заключения Е. А. Хелимского, весьма разнородны по происхождению, недостаточно достоверны и не дают надежной основы для таких заключений. А поскольку первичность *r* не доказана, нет достаточных оснований говорить и о первичности *l* по отношению к *š*.

Наконец, подобные материалы не подтверждают и мнение о «совместимости» ностратической теории (а также и алтаистики) с представлениями о первоначальном облике целого ряда слов тюркских языков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шербак А. М. О ностратических исследованиях с позиций тюрколога // ВЯ. 1984. № 6.
2. Хелимский Е. А. Происхождение древнетюркского чередования *r* ~ *z* и дилемма «ротацизма—зетацизма» // СТ. 1986. № 2.
3. Хелимский Е. А. Решение дилемм пратюркской реконструкции и ностратика // ВЯ. 1986. № 5.

⁸ Не исключено, что на внешний облик *ermēš* могло повлиять и сближение с общетюркским названием седла, в частности в вариантах типа *igār* ~ *egār*.

⁹ В явных тюркских заимствованиях монгольских языков конечный *č* сохраняется, но к нему присоединяется дополнительный гласный или комплекс «гласный + *n*» [36, с. 53, 54; 44].

4. *Tekin T.* Once more zetacism and sigmatism // CAJ. 1979. XXIII. № 1—2. P. 118—119.
5. *Абдуллаев А. З.* К вопросу $r \sim z$ в тюркских языках // СТ. 1984. № 2.
6. *Серебренников Б. А.* О несостоятельности аргументов, применяемых для доказательства звукоперехода R в Z // СТ. 1986. № 4.
7. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика. М., 1984.
8. *Серебренников Б. А., Харькова С. С.* О некоторых эффективных методах исследования проблемы родства тюркских и монгольских языков // СТ. 1983. № 5.
9. *Щербак А. М.* Проблема ротацизма и перспективы дальнейшего изучения тюркско-монгольских языковых связей // СТ. 1987. № 3.
10. *Севортян Э. В.* Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М., 1966.
11. *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». М., 1978. С. 168.
12. *Серебренников Б. А., Гаджиева Н. З.* Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М., 1986.
13. *Кормушин И. В.* Каузативные формы глагола в алтайских языках // Очерки сравнительной морфологии алтайских языков. Л., 1978. С. 36.
14. *Щербак А. М.* Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970. С. 85 (примеч. 231).
15. *Корнилов Г. Е.* К вопросу о сибирской прародине чувашского языка // Сибирский тюркологический сборник. Новосибирск, 1976.
16. *Муратов С. Н.* О некоторых особенностях чувашского и якутского языков, носящих маргинальный характер в тюркском языковом ареале // Народы и языки Сибири. Ареальные исследования. М., 1978.
17. Древнетюркский словарь. Л., 1969.
18. *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «В», «Г», и «Д». М., 1980.
19. *Щербак А. М.* Огуз-наме. Мухаббат-наме. М., 1959. С. 66.
20. *Clauson G.* An etymological dictionary of pre-thirteenth century Turkish. Oxford, 1972.
21. *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М., 1974.
22. *Щербак А. М.* Очерки сравнительной грамматики тюркских языков. Имя. Л., 1977. С. 88—89.
23. *Tekin T.* Zetacism and sigmatism in Proto-Turkic // АОН. 1969. XXII. 1.
24. *Кажибеков Е. З.* Глагольно-именная корреляция гомогенных корней в тюркских языках. Алма-Ата, 1986.
25. *Бишиев А.* Соответствие $-p$ // $-z$ в алтайских языках // Исследования по уйгурскому языку. Алма-Ата. 1965. С. 199.
26. *Кайдаров А. Т.* Структура односложных корней и основ в казахском языке. Алма-Ата, 1986.
27. *Татаринцев Б. И.* О происхождении тюркского названия неба (*täyri* и его соответствия) // СТ. 1984. № 4.
28. *Цыбиков Г. Ц.* Буддист-паломник у святынь Тибета. Пг., 1919. С. 257.
29. *Татаринцев Б. И.* Семантическая проблема этимологизации названий частей тела в тюркских языках // Проблемы составления этимологического словаря отдельного языка. Чебоксары. 1986.
30. *Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. IV. СПб., 1911.
31. *Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. III. СПб., 1905.
32. *Севортян Э. В.* Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962.
33. *Кононов А. Н.* Грамматика языка тюркских рунических памятников VII—IX вв. Л., 1980. С. 117.
34. *Татаринцев Б. И.* О реконструкции мотивирующего семантического признака в процессе этимологизации // Теория и практика этимологических исследований. М., 1985. С. 40—42.
35. *Серебренников Б. А.* Являются ли тюркско-монгольские параллели средством проникновения в глубины истории тюркских языков? // СТ. 1980. № 6.
36. *Щербак А. М.* Тюркско-монгольские языковые связи // ВЯ. 1986. № 4.
37. *Новикова К. А.* Иноязычные элементы в тунгусо-маньчжурской лексике, относящейся к животному миру // Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л., 1972. С. 111.
38. *Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Ч. II. Тбилиси. 1984. С. 564.
39. *Rédei K., Róna-Tas A.* Early Bulgarian loanwords in the Permian languages // АОН. 1969. XXXIII. 1—3. P. 349.

40. Цинциус В. И., Бугаева Т. Г. К этимологии названий металлов и их сплавов в алтайских языках // Исследования в области этимологии алтайских языков. Л., 1979. С. 33.
41. Рассадин В. И. Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971. С. 182.
42. Вайнштейн С. И. Историческая этнография тувинцев. М., 1972. С. 110—111
43. Рассадин В. И. Очерки по исторической фонетике бурятского языка. М., 1982. С. 85—87.
44. Щербак А. М. О причинах структурно-фонетических расхождений в тюрко-монгольских лексических параллелях // Исследования по восточной филологии. К 70-летию проф. Г. Д. Санжеева. М., 1974.